

Тимошенко И. Начало: рецензия на книгу стихов Л. Никоновой «Скрипичный ключ» // Огни Кузбасса. – 1975. – № 1. С. 111-115.

И. Тимошенко НАЧАЛО

Всегда с какой-то робостью приступаю к рецензии на первую книгу поэта. Потому что знаю: в этой книге – все его надежды, сомнения и страхи, в ней тайное или явное стремление сказать своё слово о мире, в ней вся искренность впервые испытанных чувств и впервые познанных истин. И прощупать всё это критическим оком, волей-неволей назвать своими именами талантливое и бездарное, удачное и неудачное – это моральная ответственность, и даже немалая. С этим чувством открываю книгу стихов Л. Никоновой «Скрипичный ключ»: с портрета на меня смотрит поэтесса с юным и живым лицом, с открытым взглядом больших умных глаз.

Читаю предисловие к сборнику известного нашего поэта, который говорит о стихе Л. Никоновой, что его «дерзкая и праздничная строка наполняет... ожиданием чуда». И дальше читаю первое стихотворение сборника – «Родина», где меня останавливают такие строки:

И с каждым разом,
если что-то пройдено,
я думаю всё чаще и ясней:
чем больше человек, тем больше родина,
а значит, и понятие о ней.

Когда я дочитала книгу до конца, то мне показалось, что она и развёртывается как действительное «расширение души» молодой поэтессы, её понятий о родине, о жизни, о поэзии и о самой себе. И мне стали интересны и её характер, и её взгляды, и её чувства. И об этом я хочу написать. В поэзии автор наиболее полно выражает своё «я». Насколько можно судить, героиня стихов Л. Никоновой относится к жизни с жадностью и неуёмным любопытством, с готовностью пропустить всё вокруг через собственную душу – а это уже один из признаков поэтической натуры. В одном из стихов, где описывается пляска деревенских женщин (по-видимому, детство и юность автора прошли в деревне), есть слова, которые показались мне своеобразным ключом ко всему сборнику:

Не надо мне ни всяких разных благ,
ни замыслов тщеславных исполненья,
но мне б работать, жить и думать так,
чтоб опаляло пламя вдохновенья...
Смешав понятия «наше» и «моё»
и разразившись радостью и болью,
всю эту землю с плясками её
вмещать в себя и заполнять собою.

Видно, что поэтессе знакомы и печали, и одиночество, и душевная боль, но сквозь всё это пробивает себе дорогу юношеская восторженность, отчаянная готовность ко всему, что ни пошлёт судьба. С удовольствием перечитываю озорные строки:

И в тьме ночной, и в ясном свете

дня
я всё смогу и в путь отправлюсь
смело.
Преграды только вдохновят меня.
А если смерть? – Воскресну!
Не проблема!

Отсюда же и поэтическое кредо Л. Никоновой – не знаю, насколько осознанное ею, но для читателя вполне осязаемое: это восприятие жизни в её подлинности и естественности («Люблю простое – травы, небеса...»), это реальность, непредвзятость самого взгляда на мир («Я вижу то, что только есть, что только невыдуманно может жить и цвести...»), это, наконец, желание жить и творить в полную силу, наслаждаясь самой радостью существования («И ближе к жизни хочется припасть, и жить и жить, благословив источник»).

Л. Никонова пишет о детстве и юности, о родном крае и путешествиях, о музыке, о любви... как все поэты. Но сквозь всё это традиционное многообразие проступают в её стихах вполне определённые духовные ценности, присущие ей как человеку и как поэту. Оговорюсь сразу, что выразить это Л. Никоновой удаётся далеко не всегда, а некоторые вещи сборника по их несовершенству вообще не приходится брать в расчёт. Значит, попытаюсь выбрать лучшие и через них приблизиться к сути творчества поэтессы: о чём её стихи, что успела она понять в жизни, чего ищет в окружающих людях и в самой себе.

Многие стихи сборника «Скрипичный ключ» посвящены родному краю. Здесь на наших глазах рождается у героини чувство родины – то, с чего вообще начинается личность. Вот поэтесса рассказывает, как она смотрела фильм, где всё экзотически красиво, где «роскошествуют пальмы» и «в полнеба пламена стоят под солнцем острова»:

Не помышляю возвращаться
к знакомым скромным берегам,
где серый дом стоит дощатый
и раздаётся птичий гам.
Но что же это?
Что же случилось?
Звучат родные голоса.
Душа по ним истосковалась
в кино за полтора часа!

Поэт М. Небогатов в рецензии на сборник (газета «Кузбасс», 13 июля 1974 г.) охарактеризовал эти строчки так: «Чистейшая выдумка, нереальное, не знакомое ни одному зрителю чувство». По-моему, это не верно. Для юной души так важно осознать свою любовь к родной земле, где милы и дороги и «садик тётки Пелагеи», и печальные ивы, и бревенчатые дома... Быть может, для поэта сложившегося, умудрённого жизнью, это и не бог весть какое открытие, а вот когда Л. Никонова с нежностью пишет о своей деревне, о реке, о крыльце дома, где «гибкий куст корова каждый вечер бодливой задевает головой», то веришь, что это искренне и прочувствованно сердцем. Хорошо, когда

любишь родину не вообще, а в её конкретных, осязаемых приметах – это, пожалуй, и есть единственно настоящая любовь. И поэтому я верю поэтессе, когда она пишет:

без этого крылечка я России
представить себе даже не могу.

Довольно определённые позиции почувствовала я и в важнейшей сфере лирической поэзии – стихах о любви. Это чувство у Л. Никоновой привлекло меня своей страстностью, восторженностью, самоотдачей. В одном из стихов любовь – это какой-то прекрасный, романтический взлёт, захватывающий читателя своей силой и душевной красотой:

И пусть наивный этот возглас
разбудит город, песнь трубя,
взовьётся к звёздам,
канет в волны:
– Не мыслю жизни без тебя!
(«Из старой тетради»)

Меня удивил своей точностью и новизной образ первой любви в стихотворении «Шедевры» (хотя приходится делать оговорку о несовершенстве стиха): как реставратор картин, снимая за слоем слой, ищет первый, самый совершенный, – «гения под шелухой имён», так и любовь:

Снимите
с неё наслоения лет:
первая – изумительна,
и больше шедевров нет.

В то же время трудно согласиться с Никоновой, когда она начинает проповедовать любовь-всепрощение, любовь-жалость. Извлекаемая ею мораль годится, может быть, для любых человеческих отношений, но не для любви:

Каким бы ни казалось вам несчастьем
возиться с тем, кого вам только жаль,
из состраданья при себе оставьте
заблудший неприкаянный корабль.

Но в общем-то даже эта фальшивая нота – всё же от полноты и силы чувства героини, от её готовности к самопожертвованию в любви. Что же касается того человека, к которому обращено это чувство, то его образ вышел в сборнике каким-то малозначительным, бледным. Может быть, потому, что он не в состоянии ответить чем-то равным на пылкое и высокое чувство героини, вынужденной даже презрительно пожалеть его: «... ты после лжи своей, ты-то как будешь?» Но ведь давно известно, что «отрицательность» персонажа вовсе не означает упрощения его характера, психологической немотивированности его слов и поступков.

Неотъемлемой частью духовного мира Л. Никоновой является музыка. Судя по стихам, музыку она чувствует глубоко и сильно, а её «соловьиная клавиатура» органично вливается в поэзию. Главное, что музыка не просто сопровождает поэтессу, она незримо обогащает её духовный мир. В этом смысле знаменательно звучит её признание в стихотворении «Оркестр играет Чайковского»:

Взыскательней стала нежность.
Чувства мои сложнее,
мысли мои сложнее,
дело моё сложнее,
сложнее жду и надеюсь.

Иногда чувствуешь, что весь окружающий мир, вселенную даже поэтесса воспринимает как всеобщую музыкальную гармонию, и хотя такой взгляд был известен ещё древним, но от этого он не становится менее поэтичным:

Ах, Земля, это птицы летают твои,
возрождаются старые формы из праха,
и сливается космос в бескрайней дали
с фа-минорной хоральной прелюдией
Баха.

Мне кажется, что и чувство любви, со всем его драматизмом, лучше всего передано Л. Никоновой именно через музыкальный образ, как, например, в стихотворении «Соната». Так что название сборника в этом смысле оправдано. Но далеко не всегда музыкальные образы стихов удачны. Иногда эстетический вкус изменяет поэтессе, и она идёт по линии внешней игры слов: «Звучит «Утешение» Листа, утешься, актовый зал»; неуклюжие, надуманные строки о музыке есть в стихотворении «Прекрасные мелодии»; искусственны «музыкальные» сравнения типа: «Мороз, как музыка звучал. Аккорд! Ещё аккорд!»

Думается, что образы из мира музыки, вводимые в поэзию, должны обязательно «работать»: создавать определённую атмосферу, настроение, тон стиха, обогащать собой звучание литературного слова, – иначе они превратятся во что-то внешнее, необязательное. В стихах «Цыганочка», «Казачок» Л. Никонова пытается внедрить музыкально-танцевальный ритм. Это вышло не очень удачно, но, наверное, имеет оправдание как литературный эксперимент, проба мастерства.

По сравнению с музыкальными образами менее убедительно выглядят в стихах Л. Никоновой литературные реминисценции. Я отдаю должное начитанности автора, её стремлению как-то осмыслить характеры классической литературы, но пока это выглядит довольно немощно, не удаётся Л. Никоновой прибавить к знакомому образу ничего существенного. Вот шекспировский Гамлет («Загадка Гамлета»): он хорошо пересказан поэтессой, обыграно знаменитое «быть или не быть?» – но только и всего. И совсем уже не к месту попало имя Шекспира в описание... красильни: «Кофты лежат, сродни облысевшим долинам, вот-вот – и начнётся шекспирова зимняя сказка». «Красильня» – это уже выглядит нелепо, комически.

Можно было бы сказать и о других, наиболее характерных для Л. Никоновой образах, темах, персонажах, но уже и названное подводит нас к определённой жизненной философии, к духовному поиску поэтессы. Через образы природы, музыки, поэзии, любви она пытается утвердить мысль о борьбе человека за своё нравственное совершенство, за прекрасный идеал будущего. Это последнее она утверждает и, я бы даже сказала, прославляет. Причём иногда по-детски наивно, иногда риторично, иногда уж очень категорически, но даже и в этих случаях подкупает её непоколебимая вера в свет без теней, в добро без зла, в красоту, в счастье.

При всём том хотелось бы предостеречь поэтессу от опрометчивого обещания по весне, что в палитре её «тёмных красок больше не будет» – наверное, сама она уже давно догадалась, что в жизни светлые краски всегда соседствуют с тёмными: такова диалектика жизни, а для искусства – это вечный источник драматизма, внутренней конфликтности, духовной напряжённости. Нельзя изображать жизнь человека такой убогой односторонней, даже и во имя прекрасной цели, как это получилось в стихотворении «Окончен день...», где люди только и делают, что с утра до ночи «годами выкорчёвывают зло».

То, что М. Небогатов назвал «зрелостью мысли и чувства» Л. Никоновой, мне обнаружить в сборнике не удалось. Наоборот, у меня такое впечатление, что когда поэтесса сталкивается с большими жизненными проблемами, требующими глубокого и долгого размышления, то она сворачивает на путь наименьшего сопротивления: берёт их как «мораль» или как лозунг, не пройдя к этим истинам своего собственного пути. И получается банально и плоско:

Ага, я знаю, как и почему.
За то и уважаю я природу,
что, совмещаю просто свет и тьму,
она продление даёт земному роду.
(«Не умирают звёзды никогда...»)

Пусть мне скажут, что земля пуста,
что враги друг другу человеки –
усмехнусь на злобные уста,
не поверю клевете вовеки.
(«Бабушка, вы помните меня...»)

Такая «философия» мало чем может обогатить читателя. В одном из стихов Л. Никонова, обращаясь к друзьям, просит их не оставлять её наедине с собой – «с любовью странною, с напастью, с невыносимой тишиной». А между тем для поэта это очень полезное состояние, способствующее неторопливым думам, осмыслению закономерностей жизни в мелькании фактов и событий. Как ценим мы поэтов, творчество которых открывает нам целостную концепцию жизни, и как далеки от них те, которые создают пусть прекрасные, но всего лишь этюды. Об этом есть смысл подумать Л. Никоновой – если, конечно, судить её стихи по тому большому счёту, который предъявляется каждому талантливому поэту.

А что она талантлива, сомнений у меня почти нет, – всё дело только в том, как эти заложенные в её душу росточки поэзии разовьются дальше. И хоть боязно употребить слово «талант» всеу, но доказательства – в стихах. У Л. Никоновой есть то, с чего

начинается поэзия – чувство слова. Некоторые её стихи (а точнее сказать, строки) подействовали на меня просто завораживающе и своим ритмом, и рифмой, и наглядностью образа. Вот, например, описание ночной езды в вагоне поезда:

А за окном свинцовый купол тьмы
был так непроницаем, так огромен,
так слит с безмолвной тяжестью зимы
и так окоченело неподъёмен,
что жутко было в эту ночь лететь
в качающемся тоненьком вагоне
и так легко казалось умереть
не по своей – по чьей-то чужой воле!

Некоторые образы в стихах Л. Никоновой не объяснишь и не перетолкуешь, как например, «голубые балеты Глиэра» – символ весны. Но в поэзии должно быть и такое: нечто таинственное, ведомое лишь автору и однако же исполненное для читателя своеобразного очарования. Но возвращаюсь к уже высказанной ранее мысли: в саду поэзии Л. Никоновой вместе с цветами – сорные травы. И без большой, тщательной и безжалостной работы над собой они могут прочно укорениться. Начать с того, что поэтессе не хватает запаса слов: отсюда и частое повторение одних и тех же слов, и бедность рифмовок. В этом случае не лишне заняться чтением словарей – это, как известно, делали многие большие и хорошие поэты.

Иногда слова в строке громоздятся друг на друга, и трудно бывает понять их смысл. Например: «А по Шекспиру составляют гамму разноречивых выводов умы». И неверное ударение – тоже насилие над словом: «так нежно́ лепетанье листвы» (так ставится ударение только в женском роде – например, ночь нежна). Я здесь говорю про элементарную черновую работу поэта – изучение русского литературного языка.

Но Л. Никоновой предстоит ещё более трудная задача – избавиться от претенциозности, подражательности, от того, что не свойственно её голосу. Ведь за ложной многозначительностью в этом случае обычно скрываются вполне банальные истины, а то и прямая бессмыслица. Вот, например:

Когда началось это странное действо –
как солнцу от ночи безлунной, (?)
простой поворот к немудрёному детству,
усиленный волей разумной? (?)
Предстань изученью,
природа поступка!
Зачем мне тропинки пастушек? (?)
Зачем я ищу под личиною звука
простецкую прелесть частушек? (?)

Есть в сборнике и другого рода стихи – не хорошие и не плохие – проходные; они гладко написаны, но годятся разве что для школьной тетради: в них видно то, как стих сочиняется, делается, как подвёрстывается слово к слову, чтобы было складно. Это рифмы, которые высмеял ещё А. Пушкин:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждёт от рифмы розы,
на вот, возьми её скорей!)

Всё это вместе взятое резко снижает эстетику стиха Л. Никоновой и ведёт к болезненным последствиям – ослаблению сопереживания читателя. Такие стихи, как «Уходит в Тотьму пароход...» и подобные им вызвали во мне лишь досаду. Учтём при этом, что я прочитала сборник не один и не два раза и старательно отыскивала всё хорошее в нём – а ведь с другим-то читателем рассчитывать на это не приходится... Значит, должен быть строже и сам отбор стихов – пусть их было бы не семьдесят, а, может, вполовину меньше. Ведь сама же Л. Никонова так хорошо высказалась на этот счёт в стихотворении «Колокол», где нового колокола молоденький басок

«Летал над миром, похваляясь силой,
сопровождая каждый свой бросок
мелодией бессмысленной, но милой».

Это я к тому, что надо более расчётливо пользоваться своим даром, не поддаваться стихии словоизвержения и быть себе самым строгим судьёй. Впрочем, не менее строгим надо быть и редактору. Одним словом, работы для Л. Никоновой – непочатый край. Но уверена, что это не обескуражит её – если только её намерения в поэзии серьёзны. Так хочется верить, что в кузбасскую литературу пришёл человек даровитый и умеющий трудиться. Желая Л. Никоновой недолго ходить в «начинающих» и «подающих надежды» и своими новыми стихами доказать, что она перешла ещё один рубеж на пути к мастерству, к «святому ремеслу» поэзии.

А закончить рецензию мне хотелось бы её же стихами. Есть у Л. Никоновой нечто вроде «Памятника» – дань литературной традиции. И хоть ей ещё рано писать завещания, но в этом стихотворении – весь её характер и большое человеческое обаяние.

О жизнь!
В который раз пути твои
Внушают мне невольно уважение
Пред странною всесильностью любви,
Пред мощью и стихийностью движенья.
И если я однажды растворюсь
в великолепье воздуха и света,
пускай ни скорбь, ни траурная грусть
у вас, оставшихся, не проскользнёт на это.
И знайте вы, что я повсюду там,
где мир и смех, цветение и скрипка.
И будет лхнуть к твоим смеющимся устам
моя неугасимая улыбка.